

ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 331.5.024.5, 314.012

ГЕНДЕРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН РОССИИ

© 2022 О. А. Колесникова, О. А. Зенкова

*Воронежский институт высоких технологий (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)*

В статье обоснованы авторская трактовка понятия «гендерное неравенство» и его отличия от других форм социального неравенства. Приводятся укоренившиеся в общественном сознании гендерные стереотипы и проблемы их влияния на выбор молодыми людьми специальностей для получения высшего образования и направлений будущей профессиональной деятельности. На основе проведенного исследования предложен анализ гендерных диспропорций в сфере занятости и рынка труда молодых образованных женщин Российской Федерации. Даны предложения по снижению влияния факторов гендерного и социального неравенства на профессиональное становление и занятость молодых женщин с высоким уровнем образования.

Ключевые слова: гендерные диспропорции, занятость, молодые образованные женщины России, рынок труда.

Укоренившиеся в общественном сознании гендерные стереотипы закладывают асимметрию еще на этапе подготовки к профессиональной занятости, т. е. в процессе выбора и получения образования. Проблеме влияния гендерных стереотипов на выбор молодыми людьми специальностей для получения высшего образования посвящены интересные, на наш взгляд, исследования Е. В. Кеммет, О. А. Хасбулатовой, Е. С. Замятиной, А. А. Лобовой и др.

Специалисты отмечают, что *асимметрия профессиональных ролей начинается со*

школьного профильного обучения (слабо дифференцированного и в определенной степени навязываемого ученику) и далее закрепляется при выборе направления профессионального образования. О. А. Хасбулатова, рассмотревшая исторический аспект образования в нашей стране с гендерных позиций и выделившая несколько различных этапов его развития со времен царской власти до наших дней, приходит к выводу, что современная «учебная литература ... воспроизводит традиционные гендерные стереотипы о разделении профессий по половому признаку» [18, с. 10].

Е. В. Кеммет считает, что профессиональные предпочтения абитуриентов определяются под влиянием двух типов социально-психологических барьеров – внешних и внутренних. К первым относят сложившиеся общественные стереотипы о гендерных ролях, а также представления родителей о способностях детей. Внутренние барьеры вклю-

Колесникова Ольга Андреевна – Воронежский институт высоких технологий; Воронежский государственный университет, доктор экон. наук, профессор; профессор кафедры экономики труда и основ управления, e-mail: oakolesnikova@mail.ru.

Зенкова Олеся Андреевна – Воронежский государственный университет, канд. экон. наук, старший преп.кафедры экономики труда и основ управления, e-mail: radiant_olesia@mail.ru.

чают оценки абитуриентами своих интеллектуальных способностей и характерных черт личности. Двойное воздействие гендерных стереотипов через эти барьеры мешает «девушкам выбирать профессию, исходя из своих способностей и склонностей, а не из тех расчетов, что в данной области им будет проще справиться с семейными обязанностями» [10, С. 57].

Исследователи делают вывод, что *влияние стереотипов на профессиональный выбор абитуриентов «наиболее рельефно выражено на входе в образовательное поле (сравнительный анализ мотивов выбора вуза и профессий, которые традиционно делятся на мужские, женские и немногие нейтральные) и на выходе из этого профессионального поля – при оценке перспектив и проблем будущего трудоустройства, профессиональных планов и ожиданий»* [10, С. 59]. Второе особенно проблемно для девушек – выпускниц вузов.

О. А. Хасбулатова констатирует, что «в течение всего исследуемого периода *девушки не имели равных с юношами условий для обучения по наукоемким и технологическим специальностям*. Им мешал «стеклянный потолок» в виде стереотипного представления государства, семьи и общества о «мужских» и «женских» профессиях» [18, С. 10-11]. Такое положение до сих пор сохраняется, несмотря на некоторые позитивные подвижки в этом вопросе – некоторые наиболее одаренные и настойчивые девушки все же «прорываются» в систему вузовского STEM-образования.

Ситуация представляется особенно парадоксальной, если учитывать два следующих момента: во-первых, российское общество гораздо более феминистично, чем в западных странах, что объясняется трагическими особенностями нашей истории (войны, революция); во-вторых, у женщин России, как уже отмечалось, более высокий уровень образования, чем у мужчин. При этом женщины сосредоточены в основном в гуманитарной и социальной сфере, тем более что «...растущий спрос на высшее образование, в первую очередь в области права, социальных и экономических наук, привел к кратному росту как числа студентов в этих областях, так и числа преподавателей [17].

Итак, складывается представление, что гендерные диспропорции в сфере образова-

ния обусловлены устойчивым действием гендерных стереотипов и не связаны с социальными барьерами. Однако анализ довузовского образования (дошкольного и школьного) и доступности высшего под этим углом зрения говорит об обратном.

Исследования В. Н. Шубкина, Д. Л. Константиновского, Ю. Б. Епихиной, Я. М. Рошиной, С. В. Шишкина и др. ученых, охватывающие период с 60 – 80-х годов XX века до нашего времени, убедительно доказывают, что сложившаяся еще в советское время разная социальная доступность выпускников школ к высшему образованию в настоящее время только усилилась [21, 14, 6, 15, 16, 20].

Д. Л. Константиновский, основатель научного направления по исследованию роли образования в социальной мобильности молодежи, определил ключевые факторы преодолеваемого при этом молодыми людьми социокультурного барьера. Это а) образование, сфера занятости и должность родителей, б) тип поселения в качестве индикатора территориального неравенства, в) материальное положение семьи и степень вовлеченности родителей в сферу интеллектуального труда, а также г) явная и скрытая плата при обучении в школе. Он показал, что от возможностей преодоления этих барьеров зависят дифференциация личных планов выпускников школ и степень их реализации, когда молодые люди *вынуждены осознать существующее неравенство* в образовательной сфере и адаптировать в этой связи свои планы.

Д. Л. Константиновский также научно обосновал существование в современной России неравенства в возможностях получения *качественного* общего и высшего профессионального образования, показав при этом, что от полученного первого зависит доступность второго. Тем самым образование очень избирательно исполняет функцию социального лифта, усиливая неравенство.

Исследования Ю. Б. Епихиной позволили выявить факторы, способствовавшие усилению селективной функции образования, которые она видит как в ужесточении социально-экономических условий жизни, так и в происшедших изменениях в самой системе образования, таких как введение его платности, распространение многочисленных новых форм, а также выделение привилегированных типов учебных заведений [6, С. 81].

А. Г. А. Чердниченко акцентирует внимание на том, что в современном российском обществе изменилась роль образования: из канала социальной мобильности оно превращается в инструмент воспроизводства новой дифференцированной социальной структуры. Она отмечает также массовый характер высшего образования, рост числа студентов и расширение рынка платных услуг в сфере образования [19, С. 271-273].

В настоящее время *основным проявлением неравенства в образовании стали различия в его качестве*. В этой связи исследователи разграничивают понятия массового и элитного, престижного и непрестижного образования, вводят и анализируют факторы, обуславливающие доступ молодежи к качественному образованию. Для этого используются понятия капитала и ресурсных возможностей молодых людей и их семей.

Так, Я. М. Рощина рассматривает два вида капитала: во-первых, семейный, или родительский, выступающий характеристикой социального статуса семьи и объединяющий такие его разновидности, как экономический, культурный, социальный, человеческий; во-вторых, персональный, или человеческий капитал самих молодых людей (их способности, знания и навыки) [16, С. 359]. Если первый не является заслугой молодого человека, то второй во многом зависит от его усилий, способствуя преодолению барьеров к получению высшего образования.

Е. М. Авраимова трактует семейный капитал как ресурс домохозяйства, подразделяя последние на три группы: с низким, средним и высоким ресурсным потенциалом. От него зависят подготовка к поступлению в профессиональное учебное заведение, выбор последнего, а также образовательное поведение студента в процессе учебы (например, учится ли он сознательно или «стоит в очереди» на получение диплома) [10, С. 42].

При таком подходе вопрос о доступности высшего образования перерастает в иную плоскость, когда речь идет о различиях в доступности элитного или массового образования для представителей разных социальных групп и требуется соответствующая дифференциация вузов по определенным критериям. Для этой дифференциации используется рейтинговая система.

Ю. Б. Епихина делает обобщающий вывод о том, что поиск факторов, детермини-

рующих неравенство в системе образования, совпадает с поиском критериев социальной стратификации. Исследователями предложены три модели, объединяющие обе проблемы: неравенства в образовании и социального неравенства. Первая – модель «динамики неравенства» с пропорциональным представительством социальных групп в иерархии институтов образования. Вторая – модель «неравенство качества», способная задавать разные стартовые позиции учащимся относительно получения качественного «элитного» или «престижного» образования. Третья модель, согласно которой неравенство в доступе к образованию есть следствие неравенства в степени обеспеченности теми или иными семейными ресурсами или капиталами, представляется наиболее убедительной и методологически целесообразной для использования в гендерной проблематике [10, С. 73-74].

Проделанный анализ убеждает, что отсутствие равенства и в доступности высшего образования в РФ, и особенно в качестве одного являются продуктами растущего социального неравенства нашего общества. Исходя из этого можно утверждать, что молодые высокообразованные женщины априори относятся к социальной элите, занимая достаточно высокую ступеньку в рейтинге социальной иерархии населения России. Степень их элитарности значительно различается в зависимости от того, получила ли конкретная женщина массовое или специализированное элитное, престижное или непрестижное высшее образование.

Однако вышеприведенный анализ образования не затрагивает гендерный фактор, который рассматривается в литературе отдельно и совершенно с других позиций. Нам это представляется методологически неверным. Выбор жизненных стратегий каждым молодым человеком начинается с выбора и получения образования, причем, как мы показали, осуществляется под совокупным воздействием гендерных стереотипов и факторов социально-экономического, а отчасти и социально-политического неравенства. Раздельный анализ влияния гендерных и социальных факторов (в общезначимом понимании этого термина) на формирование личности и профессиональной судьбы есть отрыв от действительности.

В связи с поднятыми проблемами следует обратиться к понятию *гендерного неравенства* и, как представляется, уточнить его содержание. Специалисты по гендерной проблематике в большинстве случаев исследуют гендерное неравенство как предвзятое отношение общества к представителям некоторых гендеров, в частности, к женщинам: как правило, гендерное неравенство всегда реализуется в пользу мужчин. Само понятие трактуется в литературе двояко:

- в суженном варианте – как дискриминация по признаку пола;

- в более широком смысле – как специфическая форма социального неравенства, или характеристика социального устройства общества, согласно которой различные социальные группы (в частности, мужчины и женщины) обладают устойчивыми различиями и вытекающими из них неравными возможностями в обществе [3].

Кроме того, различают гендерное неравенство на рынке труда, под которым понимаются «такие особенности общественного устройства, согласно которым дифференцированные социальные группы (женщины и мужчины) ... имеют неравные возможности для трудоустройства и карьерного роста» [5, С. 23-26].

Организацией Объединенных наций с 2010 года используется индекс гендерного неравенства как интегральный показатель его проявления в трех сферах: здоровья, реализации прав и возможностей мужчин и женщин, а также на рынке труда. Для тех же целей используется индекс гендерного разрыва по версии Всемирного экономического форума, учитывающий четыре составляющих: участие женщин и мужчин в экономике и карьерные возможности, образование, здоровье и выживание, политические права и возможности.

Сравнительный содержательный анализ обоих индексов и сопоставление их расчетных количественных значений для одних и тех же стран [5, С. 24] показывают, сколь велики расхождения в подходах при попытках определения гендерного неравенства. Полагаем, что основная причина этого состоит в отсутствии единого методологического подхода к содержанию самого понятия гендерного неравенства.

Не претендуя на исчерпывающую полноту формулировки, мы предлагаем трактовать

*гендерное неравенство как специфическую форму неравенства социального, проявляющуюся в **неравной доступности представителей разных гендеров к базовым ценностям, образующим идеал социального равенства.** Этими основными базовыми ценностями являются собственность, власть, здоровье, образование, профессионально-трудовая деятельность и доходы от нее, семья и распределение семейных ролей.*

Отличия гендерного неравенства от других форм социального неравенства состоит, по нашему мнению, в следующем:

- во-первых, критериальной характеристикой данной формы является определенная гендерная принадлежность конкретного индивидуума или социальной группы;

- во-вторых, ее характеризует не разная степень обладания означенными ценностями, а неравный доступ индивидуума или социальной группы к этому обладанию.

В настоящее время в литературе появляется все больше результатов исследований, подтверждающих наличие гендерной предвзятости в отношении к данной категории женщин, и убеждающих в этом скептиков, отрицающих неравенство женщин-интеллектуалок с мужчинами по гендерному признаку.

Так, исследованием, проведенным в Йельском университете, было оценено отношение к заявкам мужчин и женщин – преподавателей физики, химии и биологии из различных исследовательских университетов США, претендующих на должности менеджера лаборатории. Документ с результатами исследования был опубликован в PNAS в 2012 году, обсуждался в ведущих научных журналах США. В итоге многие американские ученые, ранее отрицавшие гендерную предвзятость на высоком научном уровне, оказались удивлены статистической значимостью и убедительностью результатов исследования, подтвердивших обратное [2].

Аналогичным образом международная ассоциация Global Women in PR провела опрос 678 специалистов из 37 стран, включая Россию, чтобы выяснить, сталкиваются ли успешные женщины с гендерным неравенством в отрасли, а также рассмотреть барьеры, мешающие этим женщинам занимать руководящие должности [4]. Результатами исследования выявлено значительное гендерное неравенство: хотя в отрасли работают

две трети женщин, на руководящих должностях преобладают мужчины – они занимают 62 % рабочих мест в советах директоров компаний. Свыше двух третей опрошенных считают, что женщинам попасть в совет директоров и на другие руководящие должности мешает отсутствие баланса между работой и личной жизнью. При этом наибольшим препятствием, с которым сталкиваются женщины (80 %), являются обязанности по уходу за ребенком и другими близкими людьми, а также большая часть забот по дому (42 %). 39 % респондентов указали, что женщины с детьми медленнее продвигаются по карьерной лестнице, чем мужчины, тогда как только двум процентам мужчин отцовство помешало повышению в должности. Треть опрошенных женщин по всему миру признались, что столкнулись с проблемой харассмента на работе, и лишь 40 % из них решились сообщить об этом работодателю.

В свете современных событий – расширения различных форм дистанционной работы в связи с пандемией – особенно интересно, что в приведенном исследовании наиболее популярными предложениями по выравниванию гендерного баланса являются введение гибкого рабочего графика (70 %) и дистанционной занятости (47 %).

Гендерное неравенство образованных женщин с мужчинами в сфере занятости и оплаты труда подтверждается и данными статистики, хотя найти такие данные труднее, чем по женскому контингенту в целом.

Итак, анализ показал, что даже элитная категория высокообразованных женщин, которым удалось преодолеть ряд барьеров в получении высшего образования, страдает в высокой степени от гендерного неравенства, причем как в России, так и за рубежом.

Нам представляется, что необходима разработка комплексного методического подхода, который позволял бы рассматривать совместное воздействие факторов гендерного и социального неравенства на профессиональное становление и занятость молодых женщин с высоким уровнем образования, выявлять возникающие в этой связи проблемы и намечать пути их разрешения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авраамова Е. М. Современное высшее образование и перспективы вертикальной мобильности / Е. М. Авраамова,

О. А. Александрова, Д. М. Логинов // *Общественные науки и современность*. – Москва, 2004 – № 6. – С. 42.

2. Гендерная предвзятость к ученым-женщинам в мире. – URL: <https://проконференции.рф/complaints/gender-naya-predvzyatost-sredi-uchenyh/> (дата обращения 18.11.2022).

3. Гендерное неравенство. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гендерное_неравенство (дата обращения 18.11.2022).

4. Гендерное неравенство. Что мешает женщинам занимать руководящие должности. – URL: <https://hr-media.ru/gendernoe-neravenstvo-chto-meshaet-zhenschinam-zanimat-rukovodyaschie-dolzhnosti> (дата обращения 20.11.2022).

5. Даджонова М. Ш. Проблема гендерного неравенства на рынке труда в рамках современной экономической теории / М. Ш. Даджонова // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики*. Сер. *Общественные науки*. – 2019. – № 1(78). – С. 18-26. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-gendernogo-neravenstva-na-rynke-truda-v-ramkah-sovremennoy-ekonomicheskoy-teorii> (дата обращения 18.11.2022).

6. Епихина Ю. Б. Исследования неравенства в образовании в современной российской социологии / Ю. Б. Епихина // *Вестник РУДН*. Сер. *Социология*, 2009. – № 4. – С. 73-85. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-neravenstva-v-obrazovanii-v-sovremennoy-rossiyskoy-sotsiologii> (дата обращения 31.10.2022).

7. Зенкова О. А. STEM-образование женщин: новые перспективы профессиональной занятости / О. А. Зенкова // *Современные проблемы экономики и менеджмента: материалы международной научно-практической конференции*. – Воронеж : «Истоки», 2018. – С. 105-109.

8. Зенкова О. А. Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщин / О. А. Зенкова // *Современные проблемы экономики и менеджмента: материалы международной научно-практической конференции*. – Воронеж : «Истоки», 2019. – С. 109-113.

9. Зенкова О. А. Гендерные инновационно-образовательные процессы / О. А. Зенкова // *Человеческий и производ-*

ственный потенциал российской экономики перед глобальными и локальными вызовами : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Саратов : Издательство «КУБиК», 2019. – С. 144-148.

10. Кеммет Е. В. Профессиональное самоопределение студентов инженерных специальностей: гендерный аспект / Е. В. Кеммет // Социологические науки, 2017. – № 2 (76). – С. 55-61.

11. Колесникова О. А. Гендерные стереотипы и их влияние на занятость женщин / О. А. Колесникова // Вестник объединения православных ученых, 2016. – № 3(11). – С. 30-33.

12. Колесникова О. А. К вопросу о снижении гендерных диспропорций на рынке труда в современных российских условиях / О. А. Колесникова, Е. В. Маслова // Экономика труда. – Москва, 2019. – Том 6. – № 4. – С. 1447-1462.

13. Колесникова О. А. Эволюция взглядов на женский труд как отражение развития гендерного равенства / О. А. Колесникова, Е. В. Маслова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Экономика и управление. – Воронеж, 2014. – № 4. – С. 34-40.

14. Константиновский Д. Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация / Д.Л. Константиновский // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 5 (99). – С. 40-65. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neravenstvo-v-sfere-obrazovaniya-rossiyskaya-situatsiya> (дата обращения 15.11.2022).

15. Рощина Я. М. Социальная дифференциация молодежи в российском профес-

сиональном образовании / Я.М. Рощина // Отечественные записки, 2006. – С. 115. – URL: <https://strana-oz.ru/2006/3/socialnaya-differenciaciya-molodezhi-v-rossiyskom-professionalnom-obrazovanii> (дата обращения 13.11.2022).

16. Рощина Я. М. Чьи дети учатся в элитных вузах? / Я. М. Рощина // Вопросы образования, 2006. – № 1. – С. 347-369.

17. Тяга к знаниям. Существует ли гендерная дискриминация в образовании. – URL: <https://forbes.ru/turbopages.org/s/forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/359911-tyaga-k-znaniyam-sushchestvuet-li-gendernaya-diskriminaciya-v> (дата обращения 14.11.2022)

18. Хасбулатова О. А. Гендерные аспекты развития STEM-образования в России / О. А. Хасбулатова // Женщина в российском обществе, 2016. – № 3 (80). – С. 3-15.

19. Чередниченко Г. А. Положение на рынке труда выпускников системы высшего и среднего профессионального образования / Г. А. Чередниченко // Вопросы образования. – Москва. – 2020. – 1. – С. 256-282.

20. Шишкин С. В. Элитное и массовое высшее образование: социально-экономические различия / С. В. Шишкин // Вопросы образования, 2006. – № 2. – С. 203-221.

21. Опыт использования количественных методов в конкретных социологических исследованиях вопросов трудоустройства и выбора профессии / В. Н. Шубкин, В. И. Артемов, Н. Р. Москаленко [и др.] // Количественные методы в социологических исследованиях. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1964. – С. 152-267.

GENDER DISPARITIES IN THE FIELD OF VOCATIONAL TRAINING AND EMPLOYMENT OF YOUNG WOMEN IN RUSSIA

© 2022 O. A. Kolesnikova, O. A. Zenkova

Voronezh Institute of High Technologies (Voronezh, Russia)
Voronezh State University (Voronezh, Russia)

The article substantiates the author's interpretation of the concept of "gender inequality" and its differences from other forms of social inequality. Gender stereotypes rooted in the public consciousness and the problems of their influence on the choice of young people's specialties for higher education and areas of future professional activity are given. Based on the conducted research, an analysis of gender disparities in employment and the labor market of young educated women of the Russian Federation is proposed. Proposals are made to reduce the influence of gender and social inequality factors on the professional development and employment of young women with a high level of education.

Keywords: gender disparities, employment, young educated women of Russia, labor market.

